

КРИТИЧЕСКИЕ СТАТЬИ И ОБЗОРЫ

М. В. Крюков

СТАРЕЙШИЙ КИТАЙСКИЙ ЭТНОГРАФ ЯН КУНЬ О ПРОБЛЕМАХ ИСТОРИИ И ТЕОРИИ ЭТНОГРАФИЧЕСКОЙ НАУКИ *

В любой отрасли человеческого знания есть ученые, чьи исследования составляют целую эпоху в развитии отечественной науки. Творческая биография профессора Ян Куня представляет собой нечто большее: она своего рода проекция всего пути, пройденного китайской этнографией от ее первых шагов в 20-х годах этого столетия до наших дней. Почти ровесник века (он родился 8 октября 1901 г.), Ян Кунь пережил «смутное десятилетие» культурной революции и принадлежит сейчас к числу наиболее творчески активных китайских этнографов. Об этом свидетельствуют его многочисленные исследования, которые каждый раз с удовлетворением обнаруживаешь, раскрывая свежие номера китайских научных журналов. Около 20 статей ученого, увидевшие свет с 1956 по 1981 г., были включены в авторский сборник «Этнос и этнография», являющийся предметом данных критических заметок¹. Вторая книга — «Очерки этнографии» представляет собой переработанный курс лекций, которые Ян Кунь читал в последние годы на историческом факультете Пекинского педагогического университета. Различные по жанру, эти две публикации взаимно дополняют одна другую: многие положения «Очерков», изложенные по необходимости кратко, читатель найдет в «Этносе и этнографии» рассмотренными более детально и на более широком историографическом фоне.

Рецензируемые книги интересны прежде всего как попытка одного из ветеранов китайской этнографии подвести некоторые итоги полувековой научной деятельности, обобщить свои исследовательские находки, раздумья и сомнения, что заставляет читателя задуматься над проблемами науки, еще недавно находившейся в Китае в состоянии глубокого кризиса, а сейчас переживающей пору своего возрождения². Для наших

* Ян Кунь. Этнос и этнография. Чэнду, 1983. 406 с.; его же. Очерки этнографии. Пекин, 1984. 328 с. (на кит. яз.).

¹ Укажу также несколько наиболее важных работ Ян Куня, не вошедших в этот сборник (все на кит. яз.): О некоторых проблемах этнографии. — Миньцзу яньцзю, 1979, № 2; Коротко о проблемах этноса. — Юньнань шэхуэй кэсюэ, 1982, № 3; О понятии «этнос» и некоторых проблемах классификации этнических общностей. — Чжунго шэхуэй кэсюэ, 1984, № 1; Предисловие. — В кн.: Цзнь Цзяю. Очерки истории первобытного общества в Китае. Пекин, 1984; Коротко о методах полевого этнографического исследования. — Чжуннань миньцзусюэюань сюэбао, 1984, № 4; Об этносе и этнографических группах. — Чжуннань миньцзусюэюань сюэбао, 1984, № 6; Ян Кунь. Этнография и модернизация. — Миньцзусюэ юй сяньдайхуа. 1985, № 1.

² О современном состоянии этнографических исследований в Китае см.: Крюков М. В. Китайские ученые о предмете этнографической науки. — Сов. этнография, 1983, № 5, с. 154—159; его же. Китайские ученые о проблемах теории этноса. — Там же, 1984, № 6, с. 144—151.

этнографов работы Ян Куня представляют интерес еще и потому, что в них дана развернутая оценка достижений советской этнографической школы.

За последние три десятилетия эта тема никогда не утрачивала в Китае своей злободневности. Некоторые современные китайские ученые утверждают, что первые годы после создания КНР были в истории китайской этнографии периодом слепого заимствования советских догм³. Спору нет, в те годы действительно было немало исследователей, которые наперебой декларировали свою приверженность идеям советской этнографической школы, хотя знали о них лишь понаслышке, а затем стали с меньшей энергией предавать их анафеме, так и не дав себе труда как следует разобраться в существе того, что именно и почему они опровергали. Но были в Китае и другие ученые. Они не боялись спорить с советскими этнографами в годы, когда лозунг «учиться у СССР» определял умонастроения миллионов, и не испытывали желания в угоду политической моде 60-х годов надеть на своих вчерашних учителей дурацкий колпак. К числу таких ученых принадлежит и Ян Кунь.

Приведу в качестве примера два факта его научной биографии. В 1957 г. во время своего пребывания в Пекине Н. Н. Чебоксаров выступил перед профессорско-преподавательским составом Центральной академии национальных меньшинств с докладом «О предмете этнографии и ее задачах в КНР». Ян Кунь откликнулся на это событие большой статьей, в которой выразил солидарность с основными выводами известного советского специалиста, но в то же самое время сформулировал свое определение этнографии, отличавшееся от имевшего тогда хождение в советских этнографических работах⁴. Когда же в 1964 г. призыв к ликвидации этнографии как науки стал обосновываться в Китае ссылками на то, что везде и всюду, в том числе и в Советском Союзе, этнография существует лишь как буржуазная лженаука, Ян Кунь нашел в себе мужество заявить: «Я не располагаю сейчас достаточными данными для суждения о том, действительно ли после XX съезда КПСС советская этнография начала отходить от единственно верного марксистского пути»⁵. Нужно знать конкретную ситуацию, сложившуюся тогда в Китае, чтобы в полной мере оценить значение этих слов. В них — весь Ян Кунь, который впоследствии имел моральное право сказать в предисловии к «Этносу и этнографии»: «Почти каждая статья в этом сборнике в свое время становилась предметом дискуссий, в ходе которых меня нередко критиковали, порой искореняли, зачастую высмеивали. Но я продолжал отстаивать свои точки зрения, не меняя их в зависимости от того, куда дует ветер, и никогда не торговал принципами»⁶.

Для исследовательского метода Ян Куня в высшей степени характерно стремление объективно оценивать научные достижения своих предшественников. Это проявляется, в частности, в большом внимании, всегда уделявшемся им истории этнографической науки. Не случайно один из трех разделов курса лекций Ян Куня посвящен проблемам этнографии. Его суждения в этой области базируются на глубоком знании первоисточников практически на всех европейских языках — явление сегодня в Китае довольно редкое, но отнюдь не являвшееся исключением на начальном этапе формирования этнографической науки в Китае.

Современная этнография начала складываться в Китае в первой четверти XX в. под непосредственным воздействием школ и направлений, существовавших тогда в Европе и Америке. Это было время, когда прогрессивно настроенная молодежь устремилась за границу в поисках

³ Ши Чжэнъи. Некоторые вопросы развития этнографии в Китае. — Миньцзусюэ язынцзю, I, 1981, с. 176.

⁴ Ян Кунь. Этнос и этнография, с. 16.

⁵ Там же, с. 165.

⁶ Там же, с. 1.

«новой науки», способной помочь решению кардинальных противоречий китайского общества. Получая высшее образование в той или иной европейской стране, будущие этнографы, естественно, оказывались под влиянием направлений, которые в данном случае преобладали, а возвращаясь в Китай, становились проповедниками идей, воспринятых ими на университетской скамье. Так, один из основоположников китайской этнографии Цай Юаньпэй унаследовал кредо европейского эволюционизма конца XIX в.; Сунь Бэньвэнь много сделал для распространения в Китае теоретических посылок школы Ф. Боаса; в начале 30-х годов У Вэньцао и Фэй Сяотун создали свою собственную школу, базировавшуюся в основном на английском функционализме, и т. д.

Ян Кунь в 1921 г. поехал учиться во Францию, где он сначала изучал в Лионе математику и астрономию, а затем начал систематически заниматься социологией. Написав диссертацию на тему «Место культа предков в китайской семье и обществе», он получил право на двухлетнюю стажировку в Париже. Там он слушал лекции М. Мосса и М. Гранэ; под влиянием теории и методов французской социологической школы Ян Кунь и сложился как ученый-этнограф. Неудивительно поэтому, что после возвращения на родину в 1931 г. он в своей преподавательской и научно-исследовательской деятельности основывался преимущественно на взглядах Дюркгейма — Мосса и активно популяризировал их в Китае⁷. И все же Ян Куню было чуждо стремление замыкаться в узких рамках какого-то одного направления. Не случайно он был в числе инициаторов создания в 1934 г. Китайского этнографического общества, основная цель которого как раз и заключалась в объединении усилий различной научной ориентации⁸.

Обращаясь к истории этнографической науки, Ян Кунь отмечает, что ее периодизация тесно связана с вопросом о том, кого следует считать основоположником современной этнографии. В разное время на этот вопрос отвечали по-разному. А. Бро связывал рождение этнографической науки с именем Ж. Лафито, а Э. Эванс-Притчард — с Ш. Монтескье, тогда как Р. Маретт полагал, что этнография — «дитя Дарвина». Гораздо больше сторонников оказалось у А. Гольденвейзера, усматривавшего подлинное начало этнографической науки в трудах А. Бастиана и Ф. Ратцеля (эта точка зрения разделялась в свое время многими китайскими учеными). Ян Кунь в «Очерках этнографии» отвергает эти суждения и поддерживает мнение С. П. Толстова о том, что рождение этнографии следует датировать 1877 г., когда увидело свет главное произведение Л. Г. Моргана — «Древнее общество»⁹. В соответствии с этим он (в отличие, например, от С. А. Токарева¹⁰) выделяет период предэтнографии этнографической науки («этнография до Моргана»), подробно рассматривает основные концепции этого выдающегося американского ученого, характеризует специфические черты основных школ буржуазной этнографии после Моргана, прослеживает пути возникновения марксистской этнографии и, наконец, останавливается на современном состоянии этой области знания.

Рассматривая состояние науки XVIII — начала XIX в., Ян Кунь характеризует взгляды не только Дидро, Даламбера, Монтескье, Кондорсе, Сен-Симона, Конта, но и В. Эдвардса, являвшегося, как известно, основателем Парижского общества этнологии (1839 г.) и предприняв-

⁷ Ян Кунь. Как изучают социологию во Франции? — Чжунфа цзяюйцзе, 1930, № 44; его же. Современная французская социология. Пекин, 1931; его же. Прошлое и настоящее французской этнографии. — Миньцзусюэ яньцзю цзикань, вып. 1, 1939; его же. Введение в исследования Гранэ. Пекин, 1943, и др.

⁸ Сам факт создания этого общества имел большое значение для развития этнографии в Китае (см. Цю Пу. Распространение и развитие этнографии в Китае. — Миньцзю яньцзю, 1984, № 5, с. 13), хотя деятельность его была фактически прервана с началом антияпонской войны. Китайское этнографическое общество было вновь создано в 1980 г. (см. Крюков М. В. Китайские ученые о предмете этнографической науки, с. 155).

⁹ Ян Кунь. Очерки этнографии, с. 29.

¹⁰ Токарев С. А. История зарубежной этнографии. М.: Высшая школа, 1978.

шего начиная с 1841 г. издание первого специального этнографического журнала («Bulletin de la Société ethnologique»). Многие специалисты по истории этнографической науки полагают, что Эдвардс впервые ввел в употребление термин, обозначающий эту новую дисциплину, — ethnologie. Около 20 лет тому назад Г. Роган-Чермак оспорил это мнение, указав, что термин «этнология» был употреблен в 1830 г. известным физиком А.-М. Ампером, включившим эту науку в свою классификацию, возможно под влиянием своего сына, проводившего в конце 20-х годов исследования образа жизни саамов Лапландии¹¹. Однако Ян Кунь подчеркивает, что письмо Эдвардса к историку Тьерри, где не только упоминается «этнология», но и определяются ее исследовательские задачи, хотя и опубликовано лишь в 1841 г., но написано еще в 1829 г.¹² Во всяком случае, несомненно, что Эдвардс и Ампер имели непосредственное отношение к разработке основных идей, связанных с дефиницией предмета этнографии.

Что касается данной Ян Кунем оценки научного творчества Г. Морган, то она должна рассматриваться в контексте суждений, высказывающихся на этот счет современными китайскими учеными. В подавляющем большинстве они склонны отождествлять концепцию «Древнего общества» со взглядами Ф. Энгельса и воздерживаться в силу этого от рассмотрения вопроса о тех идеях Морган, которые не нашли подтверждения в ходе последующего развития этнографических исследований. Аналогичная тенденция прослеживалась и в советской науке вплоть до второй половины 50-х годов. Многие китайские этнографы, изучающие проблемы социальной организации народов мира, по-прежнему настаивают на необходимости придерживаться моргановской схемы исторических типов семьи. Ян Кунь был одним из первых ученых в КНР, кто еще в 1978 г. указал на органические недостатки этой схемы¹³. Он вполне обоснованно полагает, что «кровнородственная семья и семья пуналуа, о которых писал Морган, в действительности никогда не существовали»¹⁴. По мнению Ян Куня, неудовлетворительна и разработанная Морганом историческая типология систем родства, основывающаяся на признании так называемой «малайской» системы, наиболее ранней из всех известных¹⁵. К сожалению, ряд китайских этнографов до сих пор предпринимают попытки найти дополнительные аргументы в пользу хронологического приоритета «малайской» системы, якобы порождаемой отношениями кровнородственной семьи¹⁶. Представляется, что в этом споре будущее на стороне тех ученых, к числу которых принадлежит автор рецензируемых книг.

Значительное внимание в своем историографическом обзоре Ян Кунь уделяет анализу взглядов основоположников марксизма, а также подробно характеризует работы П. Лафарга и Г. В. Плеханова, которые с полным правом можно назвать этнографическими. Кстати говоря, научному наследию Лафарга автор посвятил доклад, представленный в 1981 г. на 1-й годичной сессии Китайского общества по изучению экономических проблем национальных меньшинств, но, к сожалению, не вошедший в сборник его статей. Ян Кунь, в частности, придает принципиальное значение выводу Лафарга о роде как форме социальной организации, исторически предшествовавшей семье, — положению, открыто не сформулированному Энгельсом в «Происхождении семьи», несмотря на многочисленные исправления, содержащиеся в тексте четвертого издания этой книги¹⁷.

¹¹ Rohan-Czermak G. de. La première apparition du terme «ethnologie». — Ethnologia Europaea, 1967, v. 1, № 3.

¹² Ян Кунь. Очерки этнографии, с. 39.

¹³ Ян Кунь. От «Древнего общества» Морган к «Происхождению семьи, частной собственности и государства» Энгельса. — Бэйцзин шифань дасюэ сюэбао, 1978, № 6, с. 21—33.

¹⁴ Ян Кунь. Очерки этнографии, с. 61.

¹⁵ Там же, с. 62.

¹⁶ См., например, Ли Суншэн. Малайская система родства у некоторых народов Китая — Чжуншань дасюэ сюэбао, 1983, № 3, с. 38—49.

¹⁷ Ян Кунь. Очерки этнографии, с. 115, прим. 40.

Оценке вклада, внесенного в этнографическую науку советскими учеными, Ян Кунь предпосылает очерк развития русской этнографии. Рассматривая создание Отделения этнографии при Русском географическом обществе как важнейшую веху в истории накопления этнографических знаний в России, он затем характеризует особенности отдельных школ, возникших в русской этнографии в конце XIX в. Среди них он особо выделяет направление, возглавлявшееся Д. Н. Анучиным, и полагает, что анучинское наследие в значительной мере определило научное лицо таких корифеев советской этнографической школы, как С. П. Толстов и Н. Н. Чебоксаров¹⁸. Как отмечает автор, термин «советская этнографическая школа» был впервые употреблен С. П. Толстовым в 1947 г., но ее фактическое формирование относится к 30-м годам¹⁹. По мнению Ян Куня, ее отличают следующие особенности. Во-первых, в трудах советских ученых впервые была показана роль всех народов Земли в создании человеческой культуры и тем самым продемонстрирована ненаучность свойственной буржуазной этнографии деления народов на «цивилизованные», или «исторические», и «естественные». Исходя из основополагающего высказывания В. И. Ленина о том, что все без исключения народы имеют свою историю, советские этнографы способствовали тому, что изучение народов мира превратилось в подлинно историческую науку. Во-вторых, для советской этнографической школы характерен комплексный метод исследования, соединяющий в себе достижения собственно этнографии, лингвистики, археологии, фольклористики, антропологии, истории, географии. В-третьих, советским ученым принадлежит заслуга разработки понятий «хозяйственно-культурный тип» и «историко-этнографическая область», помогающих отделить, с одной стороны, явления культуры, возникающие под непосредственным воздействием природной среды и уровня экономического развития, с другой — сохраняющиеся в новых исторических условиях лишь как элемент этнической традиции. В-четвертых, большое внимание уделяется в СССР проблемам этнического картографирования, в частности созданию историко-этнографических атласов. В-пятых, одним из заметных достижений советской этнографической школы было издание 18-томной серии «Народы мира», в которой обобщен значительный этнографический материал по всем континентам и регионам Земли. Наконец, в-шестых, большое значение имеет осуществляемая советскими этнографами критика буржуазных концепций, хотя в таких изданиях 1960-х годов, как, например, «Англо-американская этнография на службе империализма», эта критика носила зачастую поверхностный, абстрактный характер, что снижало уровень ее убедительности. «В целом,— резюмирует Ян Кунь,— возникновение советской этнографической школы явилось огромной по своей значимости революцией в истории этнографии. На протяжении более ста лет в науке почти исключительно господствовала буржуазная этнография; только с появлением советской этнографической школы свои позиции завоевала марксистская этнография. Поэтому исторические достижения советской этнографической школы заслуживают полного признания»²⁰.

Следует отметить, что Ян Кунь более детально характеризует работы советских этнографов 40—60-х годов, но явно не располагает материалом для всестороннего суждения о состоянии этнографии в СССР за последние 20 лет. Это вполне естественно, потому что, хотя начиная с 1979 г. после возобновления издания информационного журнала «Миньцзу ицун» («Переводы по этнографии») на китайском языке был опубликован ряд статей советских авторов, общее число их все же невелико, в силу чего по ним трудно составить полное представление о нынешнем состоянии этнографии в СССР. Ян Кунь упоминает о «некоторых ошибочных положениях, содержащихся в советских этнографи-

¹⁸ Там же, с. 131.

¹⁹ Там же, с. 134.

²⁰ Там же, с. 138—140.

ческих работах последних лет»²¹, но не указывает, какие именно положения он имеет в виду, и это лишает меня возможности высказаться здесь по существу вопроса. Не прослеживается в изложении Ян Куня и то главное, что отличает нынешний этап развития нашей этнографической науки,— резкое усиление интереса к проблемам теории этноса как предмета этнографической науки, т. е. к тому кругу вопросов, которые всегда в первую очередь привлекали внимание самого Ян Куня: что такое этнография, какова ее специфика, какое место она занимает среди прочих общественных наук и в чем, собственно, ее предназначение?

В уже упоминавшемся выше определении этнографии, сформулированном в 1957 г., Ян Кунь характеризует ее как «историческую науку, которая, пользуясь в основном методом непосредственного наблюдения, изучает особенности культуры и быта народов мира, а также закономерности развития этих особенностей»²². В дальнейшем его отношение к предмету этнографии изменилось: в 1981 г. Ян Кунь уже считал, что «этнография — это общественная наука, изучающая закономерности развития народов»²³. Именно с таким подходом к пониманию сущности этнографической науки согласилось большинство участников I Всекитайской этнографической конференции²⁴. Однако если быть последовательным в применении данного определения этнографии, то среди весьма интересных соображений Ян Куня о ее соотношении с другими общественными дисциплинами можно, на мой взгляд, обнаружить противоречия с исходной позицией автора.

Это относится прежде всего к вопросу о соотношении этнографии и антропологии. Физическая антропология как наука о расовых типах человека является, по мнению Ян Куня, составной частью антропологии в широком смысле (наряду с «наукой о социальной жизни человека — культурной, или социальной, антропологией, т. е. с этнографией в нашем понимании»²⁵). С этой точки зрения, этнография является антропологической субдисциплиной.

Суждение о том, что этнография и культурная (социальная) антропология суть синонимы, неоднократно встречается в работах Ян Куня²⁶. Но если «объектом этнографического исследования являются народы»²⁷, то это отнюдь не свойственно культурной антропологии в ее трактовке эволюционистской школой Тэйлора («антропология есть наука о человеке и культуре»²⁸), функционалистским направлением Малиновского и Рэдклифф-Брауна («антропология — это наука, занимающаяся сравнительным изучением культуры человечества»²⁹) или американской исторической школой Боаса³⁰. Ни для одной из этих научных школ антропология не является наукой об этносах. И этнография, и культурная антропология изучают культуру, но с разных точек зрения: в первом случае предметом исследования выступают черты культуры как признак этноса, во втором — культура человеческого общества как таковая. А это означает, между прочим, что у нас нет серьезных оснований приписывать Л. Моргану заслугу «создания» этнографии. Во всяком случае, в «Древнем обществе», публикация которого ознаменовала будто бы рождение этнографической науки, проблемы этнического развития человечества вообще не рассматривались.

Что касается этнографии и истории, то предметом первой из них является «культура и быт конкретных современных народов, а также закономерности их развития (здесь Ян Кунь фактически повторяет свое

²¹ Там же, с. 168.

²² Там же, с. 16.

²³ Там же, с. 5.

²⁴ Подробнее см. *Крюков М. В.* Китайские ученые о предмете этнографической науки, с. 155.

²⁵ *Ян Кунь.* Очерки этнографии, с. 6—7.

²⁶ Там же, с. 7, 72; *Ян Кунь.* Этнос и этнография, с. 181, и др.

²⁷ *Ян Кунь.* Очерки этнографии, с. 7.

²⁸ *Taylor E.* *Anthropology.* L., 1881, p. 4.

²⁹ *Malinowski B.* *The Foundations of Faith and Morals.* L., 1936, p. 7.

³⁰ См.: *Encyclopaedia of the Social Sciences*, v. X, p. 302—303.

прежнее определение этнографии.— М. К.); но коль скоро речь идет о древних народах, существовавших в истории человечества, то этнография имеет с ними дело лишь в том случае, если они связаны с современными этносами»³¹. Этот тезис отнюдь не бесспорен. Невозможно априори ответить на вопрос, какое отношение к тому или иному современному этносу имеет какой-либо древний народ: это выясняется лишь в результате самого этнографического исследования. Поэтому более правильным кажется в данном случае подход Ю. В. Бромлея: «основным объектом этнографии являются этносы-народы, как отстающие в своем развитии, так и высокоразвитые, как малочисленные, так и многомиллионные, как существующие ныне, так и давно исчезнувшие»³². Можно спорить и по поводу следующего положения Ян Куня, гласящего, что «историки... особое внимание уделяют последовательности событий во времени, т. е. проблемам хронологии; их метод исследования заключается в движении от древности к современности. Этнографы же основываются по преимуществу на полевых обследованиях и идут в обратном направлении — от современности к древности»³³.

Говоря о соотношении этнографии и социологии, Ян Кунь указывает, что французская социологическая школа рассматривала этнографию как сугубо описательную дисциплину, а теоретическую этнологию отождествляла с социологией. По мнению Ян Куня, в условиях Китая у этнографа и социолога должно существовать определенное разделение труда: проблемы переписи населения, преступность среди молодежи, загрязнение окружающей среды, а также женский, жилищный и прочие вопросы относятся к сфере исследования социологов, тогда как определение этнического состава населения, вопросы религии и языка некитайских народов КНР являются объектом исследования этнографов. Однако при этом социология изучает не только проблемы общества в целом, а этнография не ограничивается исследованием национальных меньшинств. Социологи занимаются как городом, так и деревней, как собственно китайцами, так и национальными меньшинствами, но китайское население находится в центре их внимания. Этнографы изучают как национальные меньшинства (им уделяется основное внимание), так и китайский этнос. Социологов интересуют общие закономерности развития общества, этнографов — закономерности развития каждого конкретного народа. Поэтому к соотношению социологии и этнографии следует подходить с позиций диалектического единства общего, частного и особенного³⁴.

Интересны соображения Ян Куня о соотношении этнографии и фольклористики. В 30-х годах, будучи профессором Яньцзинского университета, он уделял большое внимание вопросам изучения фольклора, позднее был главным редактором ежеквартального журнала «Миньсу» («Фольклор»); его перу принадлежит также большая работа, посвященная истории фольклористики в Китае³⁵. В 1979 г. Ян Кунь был одним из семи специалистов, которые подписали составленное проф. Чжун Цзинвэнем «Предложение о развитии фольклористики и соответствующих научно-исследовательских учреждений»³⁶, ознаменовавшее возрождение этой области знания в Китае.

Ян Кунь отмечает, что термин *folklore*, введенный в научный обиход Томасом в 1846 г., сравнительно быстро получил распространение в англоязычных странах, а также в Скандинавии, но долгое время не приживался на французской почве. В Китай он проник через посредство японского языка, причем на несколько лет раньше, чем «этнография»: в 1922 г. в редакционной статье, открывавшей издание журнала

³¹ Ян Кунь. Очерки этнографии, с. 12.

³² Бромлей Ю. В. Современные проблемы этнографии. М.: Наука, 1981, с. 83.

³³ Ян Кунь. Очерки этнографии, с. 12.

³⁴ Там же, с. 9—10.

³⁵ Ян Кунь. Краткая история изучения фольклора в Китае.— Миньцзусюэ яньцзюэ цзикань, 1948, № 8.

³⁶ См. журнал «Миньцзянь вэньсюэ», 1979, № 12.

«Гэяо» («Народные песни»), были впервые сформулированы задачи изучения фольклористики в Китае.

Вопрос о предмете фольклористических исследований долгое время был дискуссионным. Крайняя точка зрения ограничивала рамки фольклористики поисками пережитков древних верований и обычаев, тогда как, например, А. ван Геннеп относил к сфере научных интересов фольклористов устное народное творчество, песни и танцы, развлечения и игры, религиозные представления и обряды, жилище, утварь, одежду и прочие аспекты «народной жизни». Фольклор в таком понимании совпадал с тем разделом этнографии, который в немецкой научной традиции обозначается термином *Volkskunde* и имеет отношение к изучению культуры своего собственного этноса в противоположность *Völkerkunde*. Между прочим, в японской этнографии это противопоставление отражается в терминах, произносящихся одинаково (миндзокугаку), но имеющих разное иероглифическое написание (в китайском чтении соответственно миньцзусюэ — этнография и миньсусюэ — фольклористика). Таким образом, соотношение между этими двумя областями науки рассматривается в Китае в ином ракурсе, чем у нас. Следует при этом заметить, что в 1950-х годах термин «миньсусюэ» в КНР практически не употреблялся, и во всех случаях, когда речь шла о фольклоре, соответствующее понятие обозначалось как миньцзянь вэньсюэ (народная литература) или миньцзянь чуанцзо (народное творчество); это в основном совпадало с содержанием, обычно вкладываемым в термин «фольклор» в советской науке³⁷. По мнению Ян Куня, материальная культура и производственные навыки народных масс в равной мере являются объектом изучения как этнографов, так и фольклористов, хотя и с разных позиций: в первом случае основное внимание уделяется этническим особенностям культуры, во втором — специфике разнообразных проявлений творческих сил народа³⁸. С этой точки зрения этнография и фольклористика могут быть образно названы двумя родными сестрами³⁹ (замечу, впрочем, что в другом месте автор склонен рассматривать фольклористику как этнографическую субдисциплину⁴⁰).

Касааясь вопроса о соотношении этнографии и лингвистики, Ян Кунь подчеркивает практические аспекты необходимости овладения этнографами языком тех народов, которые они изучают. Поскольку этнографический материал фиксируется преимущественно в вербальной форме, полевой исследователь, не знающий местного языка, оказывается в зависимости от переводчика, отнюдь не всегда обладающего профессиональной подготовкой. Поэтому, по образному выражению Ян Куня, «этнограф, не знакомый с основами лингвистики, и в частности фонетики, это лишь наполовину этнограф»⁴¹. Автор отмечает важность владения лингвистическими методами анализа топонимики, зачастую отражающей древние этнонимы, племенные и родовые названия. Наконец, поскольку язык является одним из существенных признаков этноса, сведения о языке изучаемой этнической группы могут быть решающим критерием определения ее принадлежности⁴².

Здесь мы подходим к вопросу о сущности этнической общности — одной из центральных проблем теоретической этнографии. Необходимо напомнить, что изучение специфических особенностей этноса осложнено в Китае терминологическими трудностями. Анализируя этническую специфику народов мира, китайский этнограф обычно употребляет многозначное слово миньцзу, обозначающее как этнос вообще, так и нацию (в отличие, например, от народности — буцзу). Правда, в начале 60-х годов Я Ханьчжан выступил с идеей противопоставления двух понятий — було (племя) и миньцзу (нация), основываясь на высказывании

³⁷ Ян Кунь. Этнос и этнография, с. 57.

³⁸ Ян Кунь. Очерки этнографии, с. 11.

³⁹ Там же, с. 12.

⁴⁰ Там же, с. 115.

⁴¹ Ян Кунь. О некоторых проблемах этнографии. — Миньцзу яньцзю, 1979, № 2.

⁴² Ян Кунь. Очерки этнографии, с. 17.

Энгельса о том, что из племени возникли нации и государства. В ходе начавшейся в связи с этим дискуссии Ян Кунь отстаивал схему исторической типологии этносов, включающую род, племя, народность, нацию, и полемизировал с М. О. Косвенем, который относил род и племя к одному и тому же этапу истории человечества⁴³. Выступал Ян Кунь и против тех китайских ученых, которые были не согласны с выделением народности как самостоятельного типа этнической общности⁴⁴.

Схема, которой придерживается Ян Кунь, уязвима во многих отношениях. Прежде всего, как было убедительно показано Ю. В. Бромлеем, важнейшим интегрирующим механизмом этноса является эндогамия. Род же всегда экзогамен и с этой точки зрения представляет собой скорее «антиэтнос»⁴⁵. Что касается народности, то остаются совершенно неясными критерии выделения ее как типа этнической общности, хотя эта претензия обращена, разумеется, не только к Ян Куню: удовлетворительного определения понятия «народность» в этнографической литературе пока вообще не существует.

Говоря о сущности этноса (т. е. миньцзу в широком смысле⁴⁶), Ян Кунь в своей работе 1984 г. исходит из известного определения нации и задает в связи с этим вопрос: в какой мере оно применимо к этническим общностям вообще? Автор полагает, что, поскольку нация возникает на основе последовательной трансформации предшествующих типов этноса, ее «четыре признака» должны были сформироваться уже на ранних этапах истории этнических общностей. Однако у рода, племени и народности эти признаки выражены недостаточно полно⁴⁷. Такая точка зрения, в свое время широко распространенная в советской этнографической литературе, не может считаться приемлемой, так как она сводит различия между историческими типами этноса к чисто количественным характеристикам, не поддающимся к тому же объективной научной оценке.

Если в вопросе об определении сущности этноса автор рецензируемых книг стоит на традиционных позициях, представляющих малопродуктивными в эвристическом плане, то в одном отношении он тем не менее демонстрирует отход от этой концепции. Речь идет о проблеме таксономической значимости отдельных признаков этноса. Ян Кунь отвергает мнение о том, что все эти признаки являются однопорядковыми. В своих воспоминаниях о встрече с Чжоу Энляем он пишет, что в 1955 г. премьер Госсовета КНР посетил провинцию Юньнань, где интересовался ходом работы по определению этнического состава населения. Во время их беседы речь зашла о тех чертах культуры и быта народов, которые могут служить этническими определителями. На вопрос, как соотносятся между собой четыре признака нации, Ян Кунь ответил, что главным среди них следует считать общность психического склада, проявляющуюся в так называемом «национальном духе», стремлении к сплочению своего этноса и т. д. Что же касается общности территории и экономической жизни, то это скорее материальный базис единства этноса⁴⁸. Эта идея была развита Ян Кунем в «Очерках этнографии». Подчеркивая особую роль общности психического склада, он полагает, что в конечном счете это наиболее важный признак этнической общности, без которого она вообще не может существовать⁴⁹. В одной из своих последних статей автор идет еще дальше и утверждает, что трудно-определимое понятие «общность психического склада» в действительности подразумевает наличие общего «этнического сознания»⁵⁰. Фактиче-

⁴³ Ян Кунь. Этнос и этнография, с. 91—93.

⁴⁴ Ян Кунь. Очерки этнографии, с. 193—194.

⁴⁵ Бромлей Ю. В. Указ. раб., с. 33.

⁴⁶ «Миньцзу в широком смысле — это этническая общность вообще; сам по себе этот термин представляет собой перевод на китайский язык греческого слова 'εθνος'» (Ян Кунь. Очерки этнографии, с. 188).

⁴⁷ Там же, с. 189.

⁴⁸ Ян Кунь. Этнос и этнография, с. 8.

⁴⁹ Ян Кунь. Очерки этнографии, с. 189.

⁵⁰ Ян Кунь. Об этносе и этнографических группах, с. 84—85.

ски перед нами тезис о превалирующем значении этнического самосознания как ведущего признака этноса. Заслуживает внимания то обстоятельство, что в своей первоначальной форме эта идея была высказана Ян Кунем задолго до того, как она получила всестороннее обоснование в работах советских этнографов.

Знакомясь с книгами Ян Куня, невольно думаешь о том, что восстановление контактов между учеными СССР и КНР, взаимный обмен их творческими достижениями будет во многом способствовать нашему общему движению вперед, к более глубокому познанию законов развития этнических общностей человечества.

ОБЩАЯ ЭТНОГРАФИЯ

Этническая ономастика/Отв. ред. Джарылгасинова Р. Ш. и Никонов В. А. М.: Наука, 1984. 192 с.

Рецензируемый сборник, как и многочисленные научные публикации Группы ономастики Института этнографии АН СССР, получившие высокие оценки в советской и зарубежной литературе, содержит статьи, авторы которых стремились показать значение материалов ономастики для решения коренных проблем этнографии. В книге помещено 30 статей исследователей из 14 городов (в том числе совместная статья аспиранта Института этнографии АН СССР из Шри Ланки М. У. Раманаяка и В. И. Кочнева), посвященных этнонимии, антропонимии, топонимии и теонимии.

Раздел «Этнонимия» открывается статьей М. В. Крюкова «„Люди“, „настоящие люди“ (к проблеме исторической типологии этнических самоназваний)». Автор высказывает принципиально важную мысль, что категория самоназваний, семантически восходящих к словам со значением «человек», «люди», «настоящие люди», должна быть признана «бесспорно универсальной в том смысле, что этнические самоназвания такого типа характерны для многих народов, совершенно различных по своему происхождению» (с. 7). В родовом обществе этническое самосознание еще не оформилось, а так как оно представляет «наиболее существенный признак этноса», то этнос еще не сформировался. М. В. Крюков утверждает, что возникновение самоназваний типа «люди», «настоящие люди» отражает этническое самосознание, окончательно выделившееся из первоначальной совокупности представлений человека о его принадлежности к некой социальной группе. Исторически подобные самоназвания действительно следует отнести к наиболее раннему слою этнонимов (с. 11—12).

По мнению автора, этническое самосознание и этнос впервые появляются после разложения родовой организации. Тезис о том, что этнонимы «люди», «настоящие люди» были первыми этническими самоназваниями, чрезвычайно важен и, конечно, гораздо шире пределов ономастики. Однако нельзя не отметить, что система доказательств автора несколько противоречива. В статье говорится, что «этническое самосознание не совпадает с родовым, ибо оно еще не оформилось, его еще нет». В то же время утверждается, что «на определенном этапе развития общества этническое самосознание, отделившись от родовой (разрядка моя. — А. К.) от осознания принадлежности к тому или иному родственному коллективу, вообще не существовало» (с. 11). Таким образом, М. В. Крюков по сути соглашается с тем, что в родовом обществе было этническое самосознание, совпадавшее с осознанием принадлежности к родственному коллективу, а это с формально-логической точки зрения противоречит предыдущей мысли. По существу же концепция М. В. Крюкова не объясняет следующего: если племя только социальная организация, то чем отличались друг от друга однотипные в социальном отношении племена?

Осознавая свою принадлежность к роду и принадлежность рода к племени, его члены отделяли себя от членов других, даже одноименных родов, не входящих в их племя, т. е. отличали себя от всех других племен именно принадлежностью к данному племени. В самосознании племен отражались не только социальные связи входящих в него родов. Типологически в первобытно-общинную эпоху родовая и племенная социальная организации были одинаковыми для всех человеческих коллективов. Последние различались не посредством социальных характеристик, а языком (диалектом), культурой (в широком смысле) и самосознанием, выраженным в самоназвании, т. е. признаками, существенными для этнической общности. Они характеризуют племя и ограничивают его от других однотипных в социальном отношении племен.

Новая версия о происхождении этнонима «башкиры» исследуется в статье Н. А. Баскакова. Автор основывается на гипотезе, что башкиры формировались из кипчакского племени под значительным воздействием булгарского и угорского субстратов и находились в тесных генетических связях с хунно-булгарским племенем огуров-угоров-угров, известным на востоке тюркской эйкумены под именем огузов. В статье высказывается предположение, что этноним «башкиры» означает «своих огуров», «своих угров» (с. 16).

Раздел «Этнонимия» содержит также интересные статьи А. Н. Лескинен — об этно-